

ДЖОН РИД.

Автор книги—„Десять дней, которые потрясли мир“, пользующейся огромным успехом в СССР.

РЕДАКЦИЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, Тверская, Бла-
говещ. пер., 3. Тел. 4-90-08, 86-77. ЭКСПЕДИЦИЯ: В. Дмитр., 17,
та. 57. Тел. 41-38. Телеграф. адрес: «Москва ОГОНЕК». Тариф
аб'ял.: 1 стр.—40 черв., 1/2 стр.—20 черв., 1/4 стр.—10 черв.,
1 строка конн. в 1 кол.—80 черв. коп. На обложке—на 50-1/2
проже. Среди текста—в 2 раза дор. Сверхтарифа—15%, назога.
ГЛАВНАЯ КОНТОРА открыта с 11—5 ч.

Огонек

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: за один месяц—50 к. На год, считая
с 1 апр.—5 р. За прежние месяцы—по 70 к. Допускается
рассрочка в 3 срока: до 1 апр. 2 руб., до 1 июня 2 руб
и до 1 авг. 1 руб. За границей: на 1 мес.—35 сент 1 экз.—
10 сент. или в переводе на соотв. местн. валюту. Подписка
на «Огонек» принимается во всех почт. телегр. учрежд. и во
всех отделениях и агентствах Госбанка.

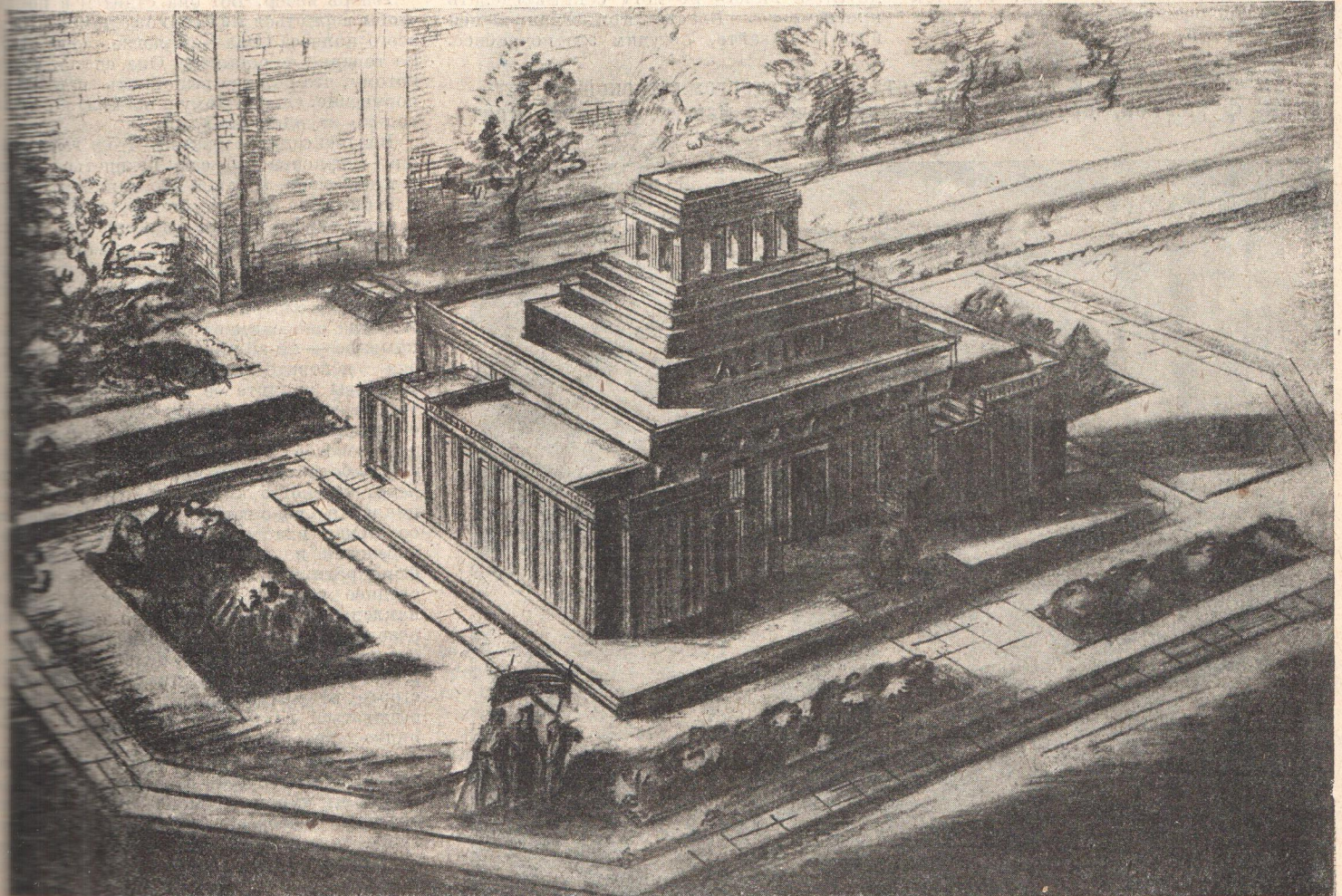
№ 17 (56).

20-го апреля 1924 г.

№ 17 (56).

Мавзолей на могиле Ленина

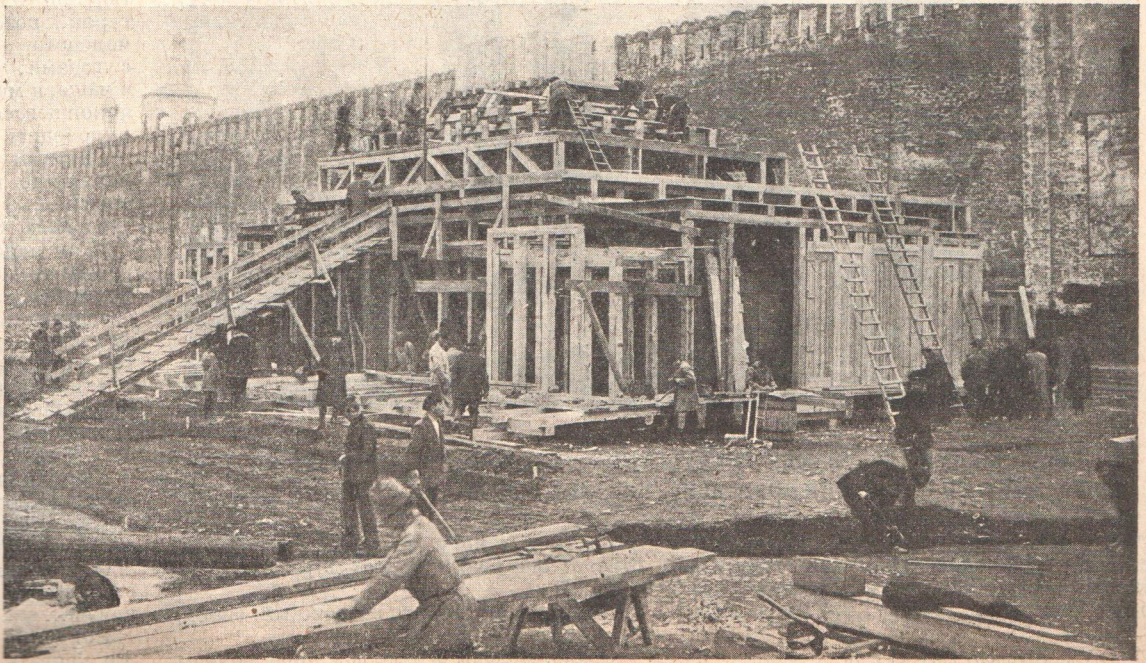
Рис. для «Огонька» автора проекта академика А. В. Щусева.

Утвержденный комиссией по увековечению памяти В. И. Ленина проект заканчивающегося ныне мавзолея над его могилой.

Фот. А. Тулеса.

Трудящиеся Союза с не-
терпением ждут окончания
работ по сооружению мав-
золея над могилой Ильича.
Сквозь веревочной ограды,
отделенный место сооруже-
ния памятника от осталь-
ной кладбища, всегда можно
видеть толпы людей, по-
стоянно наблюдающих за
делами, исключительным
интересом к концу работ,
которые близятся к концу.
К 20 апреля временный
мавзолей по проекту ака-
демика А. В. Щусева дол-
жен быть закончен. На
следующий показан момент
окончания стеллярных работ.

ВЕСЕННЯЯ ПОВЕСТЬ

Ефима Зозули

(Окончание *)

ГЛАВА ПЯТАЯ—

в отличие от прежних глав — обильная отступлениями и болтовней.

Итак, и Николай и Юрий влюблены в турчанку. Она красива, обаятельна и так далее. Они должны видеть ее после завтра — с тем, чтобы и читатель, наконец, поближе познакомился с той, кто так стремительно очаровал, лишив покоя, двух молодых людей.

... и они — нежно и долго, без усталости, с восторгом и тоской машут — один фуражкой, другой — кепи — долго, долго машут, а потом стоят

хотелось-бы похвастать своей властью над героями моей повести. В ней действуют три лица, и — казалось-бы — я мог-бы поставить их в любое положение, мог-бы установить между ними взаимоотношения самого различного свойства. Кто мне может помешать? Кто может запретить?

Но, увы, читатель, хвастать не приходится: я ничего не могу с ними сделать произвольно. Власть моя — кажущаяся власть. Давайте, обсудим это подробнее.

свободны, а весна одинаково пьянит сердца солнцем, ветром, цветами и травами — чего-ж тут?

Но, вот, присмотримся сначала к Саид. Мы знаем ее только по восторженным, слепым, однообразным и вечным, как рождение и смерть, речам влюбленных в нее.

Но такова ли она в действительности? Теперь вечер. Вот она садится в поезд, чтобы вернуться из совхоза домой. Езды всего полчаса. Она — налегке. Она одна. Ее товарки — остались. Она едет в город потому, что должна выполнить партийное поручение. Она поэтому и поехала в совхоз только на один день.

Вот она садится в вагон. Что и говорить, она — красива. Но, если взглядеться, — не в такой мере, в какой это кажется Юрию и Николаю. Моментами ее глаза — прозаичны, губы меняют свой пленительный излом, над верхней губой становятся заметны усики, подбородок твердеет и выдается, неведомый старый турок — ее отец или дед — смотрит из ее красивого лица... А когда она снимает с головы черное покрывало — ай-ай-ай — какой становится она деловито-будничной и упрямой. Если вы увидите ее такой — вам обязательно начнет казаться, что вы видели ее где-нибудь в «Метрополе» или другом доме советов. У нее вид заурядной партийной работницы, — и почему-то становится ясно, что когда в Турции произойдет социальная революция, когда укрепится советская власть и — вместе с ней — неизбежный на первых порах советский бюрократизм — она примет в нем не последнее участие... О, она будет порою накладывать на бумажки довольно нелепые резолюции... О, в том отделе, которым она будет заведывать — будет много историй... Турецкое население не будет в восторге от тех справок, которые будут выдаваться ее подчиненными и того порядка, который будет ею установлен... А если она пойдет работать на фронте искусства и будет заведывать соответствующим турецким Моно — то горе будет авторам, которые будут писать тогда турецкие революционные пьесы... Во всем она будет видеть контр-революцию, во всем...

Правда, сейчас она лучше, значительно лучше, чем будет потом — она, ведь, еще не истомлена борьбой, лишениями, тюрьмами (она только два месяца пробыла в заключении в константинопольской тюрьме) — но все же неведомый старый турок, который сейчас выглядывает из молодого и цветущего лица — потом, с годами, будет выглядывать уверенней и чаще, и многие из свойств старика, давно покоящегося в турецкой земле — будут руководить его дочерью или внучкой... Главным же свойством турка было упрямство и умение добиваться раз намеченной цели, и это свойство — унаследовала Саид.

Итак, как-же ей отнестись к какому-то русскому парню, который увидел ее на митинге и влюбился в нее? Как она может отнестись и к другому парню — рабфактовцу — который приходит в общежитие университета, жадно смотрит на нее тем взглядом, который ей так знаком, который знает каждая красивая девушка. И может-ли она думать о них (Юрия она еще даже не знает), если она давно решила, что замуж выйдет за члена центрального комитета турецкой компартии.

Что тут мог-бы сделать любой автор и, в частности, я?

О, нет, власть автора над героями его ограничена, как все ограничено в жизни нашей...

Вот Саид дома, у себя, в общежитии. Ее кровать стоит рядом с кроватью ма-

с обнаженными головами, не чувствуя потребности [и возможности] шевельнуться... Как она прекрасна! Как она прекрасна!.. Третий звонок.

Но тут, увы, придется посчитаться с одним привходящим обстоятельством — таким же естественным, как всякие другие обстоятельства. Автору т.е. мне весьма

Ну, что я могу сделать с Саид? Кому ответит она взаимностью? Юрию или Николаю?

Казалось-бы, вопрос несложный: одному из них, неправда-ли?

Оба влюблены в нее, все трое молоды,

енькой корейки. Корейка собирается спать, но не раздевается, а сидит на кровати, глубоко задумавшись. На ней пестрая желто-голубая блузка — до того несложной кройки, что напоминает газетный лист с прорезанными отверстиями для рук. Однако, этот газетный лист ловко обнимает худенький стан девушки. Она задумалась. Саид сидит на своей кровати в тоже — несколько усталая — не спешит раздеваться. О чем они думают? Это я-бы мог рассказать властью автора, но это как раз — сущие пустяки. Невинные детские мечтания. Если вам интересно — выслушайте: корейка представляет себе свое будущее. Она видит море, гористый берег Кореи, огромную толпу на нем... Для чего собралась огромная толпа? Было для чего: чтобы послушать речь знаменитой революционерки... Вот она произносит речь — громкую революционную речь — на русском, непременно на русском, на самом революционном языке, а корейцы благоговейно переводят ее потом на корейский... А после речи?.. Как благодарят ее, как аплодируют, как воют? Конечно, в толпе стоит ее любимая подруга, изменившая революции, вышедшая из партии, смеявшаяся над Лику, решившей ехать в Москву учиться и покаявшейся. Теперь — она — уничтоженная — стоит в толпе. Каково ей там стоять?!

Девушка сбрасывает с себя газетный лист, плоскую юбочку, грубые полумужские ботинки, сворачивается комочком под одеялом и — продолжает мечтать, сбрасывая революционные мечты с самыми красивыми и чистыми девичьими грезами. А Саид? О чем мечтает Саид в этот весенний вечер?

Он задумывается, — ни о чем... Ровно ни о чем. Она не мечтательная натура. У нее очень слабо развито воображение. Даже когда Саид едет куда-нибудь — она ничего не представляет себе из того, что увидит. Вперед — черная пустота. Ничего. И даже когда, за кого она выйдет замуж — она ничего не представляет себе. Она только знает, что это будет видный революционер, обязательно прочный, бесменный член центрального комитета турецкой компартии. Но об этом она никому никогда не сказала ни слова.

Она раздевается. Распускает волосы. И — опять: куда девался старый турок, оставший прозы в ее лице, все то обыденное, человеческое, наследственное, неискоренимое, что есть в каждом живом существе? Куда девалась суховатость Саид, и всякая ограниченность, ее упрямый характер? Куда все это исчезло?

Черный ствол волос разметался по плечам, она чуть-то улыбается, и на губах ее опять играет пленительный, неповторимый ступень.

Почти все студенты спят. Саид слышит шаги. Кто-то ходит в коридоре. Приближается к ее комнате. Дверь не закрыта. Она отворачивается. Входит персиянка.

— Ты еще не спишь? — спрашивает она Саид.

— Нет.

Персиянка говорит, что ее спрашивал какой-то человек. Кто он — она не знает, но Саид, она его проводила до комнаты номер двадцать четыре, а затем проводила из этой комнаты сказали ей, что какой-то человек, не входя в комнату, сидит вместе с Николаем.

Саид выключает свет, и когда подруга уходит — внезапно засыпает. Сразу. Все вокруг: как выключенная электрическая лампочка. Понурела и — темно.

Впрочем, так и должна засыпать здоровая девушка.

Вы читатель. Вы хотели-бы, конечно, радости, восторгов, мук, страданий?

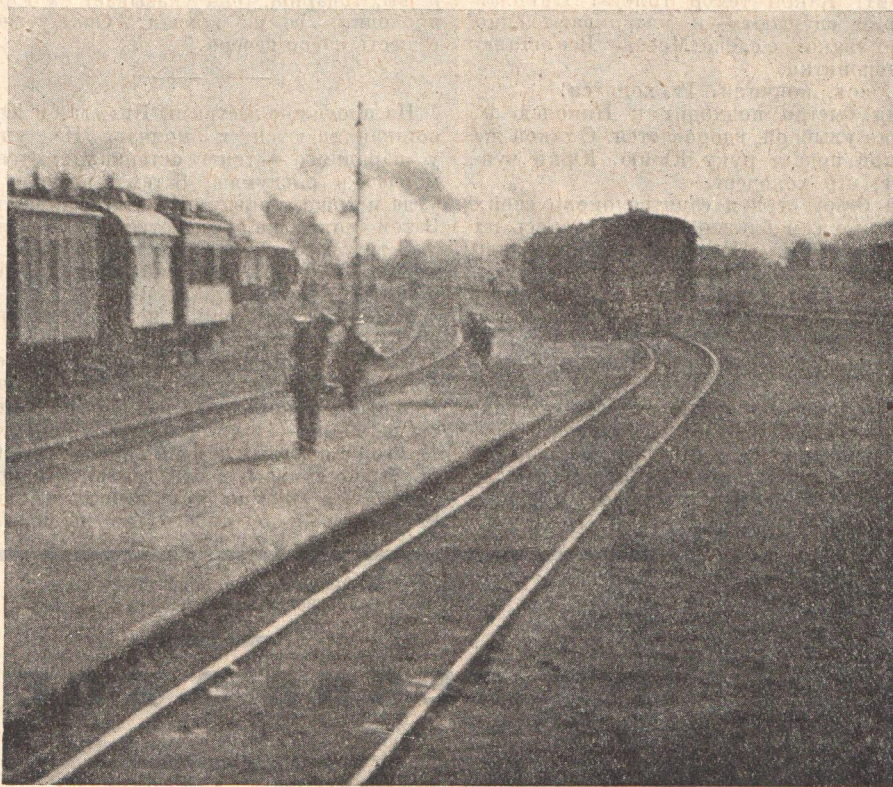
Да, все это могло-бы быть.

Если-б Саид ответила Николаю на его вопрос, он не пустил бы к себе Юрия, и тогда его стала бы очагом счастья девушка.

Если-б она ответила Юрию — они гуляли бы по вечерам и отдыхали у храма Христа спасителя. Там у подножия громадного здания — на его гранитных ступенях, или в укромных уголках между выступами, Юрий пламенно цело-

у нее нет. Когда в ней, революционерке — на мгновение берет верх молодая девушка и она думает о муже — то муж этот является ей в образе ответственного партийного работника — причем, образ смутен, так как воображение у нее слабо раз-

... а поезд убегает от них — сначала с грохотом, а потом затихая,

изгибаясь, серея и становясь все меньше и меньше...

вал бы эти неповторимые губы, а потом, проведив девушку, бродил бы всю ночь по набережным и бульварам. Не ночевать же ему у Николая — у того Николая, у которого он «отбил» это чудесное существо.

Николаю ничего не оставалось бы, как острить и издеваться, применяя к людям популярные сведения из учебников зоологии. Больше он ведь ничего не мог бы придумать. Ведь он еще молод и пищу для его цинизма могут давать пока только учебники.

Юрий, — несомненно, предложил бы Саид стать его женой. Он, конечно, приложил бы все усилия и развил бы несслыханную энергию, чтобы получить службу в конторе типографии (вот только Николай Иванович все тянет с биржей труда). Правда, поддерживать материально Саид ему не пришлось бы, так как Саид, как студентка, обеспечена — на ее долю по раскладке приходится шесть рублей золотом в месяц — но все же быть бесквартирным и бесденежным, как сейчас, было бы невозможно для него. И, конечно, чтобы не мешать роману — мы бы нашли ему службу, и вообще все было бы в порядке. Даже формальности были бы выполнены. Прежде всего — брак был бы, конечно зарегистрирован в комиссариате в отделе записей гражданского состояния.

А затем — какие были бы описания — вечеров, утр, ласк, легких (спустя некоторое время) перебранок и тут же опять ласк и милой взаимной заботливости, и милых шуток, и интернациональных гостей, и песен и вечеринок...

Но, увы всего этого не будет.

Саид — довольно черства, тверда и ограничена — той, впрочем, хорошей ограниченностью, без которой невозможны цели природы, способные к стойкой упорной борьбе. Она всецело поглощена революцией — революцией мировой и грядущей революцией в Турции. Личной жизни

вита. Все это уже было сказано и повторяется только для того, чтобы лишний раз показать невозможность при таких обстоятельствах — романа.

Но, к сожалению, все это знаем мы (как скучно все знать) — Николай и Юрий этого не знают.

И, вот, посмотрите, как они под вечер идут к Саид, рассчитав, что она уже вернулась из совхоза. Не будем смеяться над ними — в конце концов, что тут смешного? Но все же нельзя не заметить, что оба хорошо побриты, у обоих ярко вычищены ботинки, у обоих — учащенное дыхание. Николай бережно держит под мышкой книжку — это французско-русский словарь, который он взял для Саид по ее просьбе в библиотеке.

В комнате номер двадцать четыре, где живет Саид — гул голосов. Николай слегка приоткрывает дверь и видит, что в комнате человек пятнадцать турок и турчанок. Дверь скрипнула, некоторые оборачиваются, и Николай спрашивает:

— Можно?

— Можно, — отвечает несколько голосов с неизменной восточной вежливостью.

Николай и Юрий входят. Саид, которая стоит в центре группы и оживленно совещается с товарищами, приветливо кивает входящим и укавывает на стулья, жестом пригласив садиться.

— Мы сейчас кончаем, — говорит стоящая рядом с Саид турчанка, тоже знакомая Николаю.

В другом конце комнаты одеваются, собираясь уходить, японка. Кепи и синие пальто мужского типа уродуют ее, но, повидимому, ее это мало интересует. Она тоже знакома с Николаем и, проходя мимо него, здоровается с ним за руку и отвечает на приветствие Николая, бережно и отчетливо произнося каждое слово:

— Я тоже имею вам сказать, что желаю вам благополучия и всего хорошего.

И уходит.

— Как приятно эта восточная вежливость! — говорит Николай.

— Да, — бормочет Юрий, плохо расслышав слова Николая.

Он смотрит на Саид. Как она прекрасна! И, в самом деле, она красива. Старый турок не виден сейчас в ее лице. Она оживленно говорит товарищам, судя по жестам, что-то заключительное. И как хорошо говорит! Какой тембр голоса! Николай и Юрий слушают — и улавливают одно только знакомое слово: Москва. Все остальное непонятно.

Но, вот, кончили. Расходятся.

Саид быстро подходит к Николаю и, ослепив улыбкой, здоровается. С такой же улыбкой подает руку Юрию. Юрий чувствует, что холодеет.

Она берет стул и садится около своих гостей. Совсем близко. Почти касаясь их колен своими. Продолжая приветливо улыбаться, она подзывает свою подругу, турчанку, знакомую Николая, знакомит ее с Юрием и просит ее по-русски:

— Говори... говори...

Турчанка говорит — серьезно и почти-точно:

— Товарищ Саид просит вам сказать, что она завтра уезжает в Турцию...

Саид, продолжая улыбаться, перебивает подругу, с минуту втолковывая ей что-то. К концу из ее уст вылетает слово «Николай».

Та переводит:

— Она очень жалеет, что ее отрывают от университета, не давая возможности учиться и, в частности, изучить русский язык. Но ее вызывает партия для ответственной работы. Через полгода она вернется и будет продолжать образование. Сейчас она просит у своих гостей извинения — ей надо ехать в Коминтерн — а завтра была бы очень рада, если-б Николай и вы, товарищ, (она указывает на Юрия) проводили ее на вокзал. Она уезжает в шесть часов вечера.

На площадке лестницы Николай и Юрий останавливаются и молчат. На улице у парадного — тоже останавливаются и молчат в раздумьи. Затем доходят до угла и тоже в раздумьи останавливаются. Затем молча же прощаются и расходятся.

В три часа ночи Юрий приходит к Николаю. Тот спит. Юрий, постояв, тоже ложится на своем диванчике.

На следующий день в половине шестого оба — на вокзале.

Стоит ли описывать вокзальную суету, в которой принимает участие и Саид. Она не одна, конечно. С ней двое из Коминтерна. Один — с острокопечной бородкой. Другой в круглых совиных очках. Они беспрерывно говорят с ней, говорят, говорят... Глупо при таких условиях провозжать — но ничего не поделаешь.

Она все же находит время, чтобы подбежит к Николаю и Юрию, чтобы обжигать и улыбкой, чтобы углублять грусть и волнение. И — опять суета. Опять эти двое И — вдруг — ах! — что-то забыла. Она очкасткам бегут с перрона в помещении вокзала к телефону. Томительно долго не возвращается. А когда возвращается — второй звонок. Она прощается — как тепло, как искренно, как благодарно (нет, несколько не жалко, что они поехали на вокзал) — и входит в вагон на площадку.

Как она прекрасна! Как она прекрасна! Третий звонок. Поезд трогается. Куда он смотрит? На кого она смотрит? Ком она улыбаются — высунувшись с площадки??

Да здравствует женщина! На них На них! На Николая и на Юрия!

Не только на них, но они убеждены, что она смотрит только на них.

И они — нежно и долго, без усталости с восторгом и тоской машут ей — оди фуражкой, другой — кепи — долго, долго машут, а потом стоят с обнаженными головами, не чувствуя потребности и возможности шевельнуться.

А поезд убегает от них, сначала с грохотом, потом затихая, изгибаясь, сере и становясь все меньше и меньше.

Ефим Зозуля.

Фото-иллюстрации ТОЛЧАН.
(Производственная ячейка Г. Т. К.).

ПЕСНЬ О ХЛЕБЕ

(С немецкого).

1.

Поем мы песнь о тяжком труде:
Кто создал песнь — живет в нужде.
Кто шьет белье — тот без белья.
Кто строит дом — тот без жилья.
Поем мы песнь о труде.

2.

Поем мы песнь про злую судьбу:
Буржуям воля, цепь — рабу.
Кто уголь шлет — забыл очаг.
Кто золото роет — нищ и наг.
Поем мы песнь про судьбу.

3.

Поем мы песнь про тягостный гнет:
Богатым — хлеб, рабам — помет.
Всем бедным — боль и вечный труд.
Богатым — блеск и дикий блуд.
Поем мы песнь про гнет.

4.

Но в сердце песни бьется борьба.
Буржуев сбросим мы с горба!
Тогда лишь песнь про хлеб умрет.
Когда рабочий гнет убьет.
Рабочий на борьбу!

А. Безыменский.

Ноты к распространенной среди немецкого пролетариата «Песне о хлебе» (музыка Магера), в переводе А. Безыменского.

Trutzig Jorg Mager.

Das ist das Lied vom tag-li-chen Brot, die es er-schaf-fen,
lei-den Not. Die Klei-der wir-ken, ge-hen
bloß, die Häu-ser baun, woh-nungs - los!
Das ist das Lied vom Brot!

Плохой сторож

Рассказ Анри Барбюса.

Номер первый был толстый, второй был тощий, третья была высокая, а четвертая — совсем крошка.

Четыре номера западного корпуса отличались друг от друга не менее, чем четыре знака препинания; общего у них было только то, что местный трибунал, приблизительно в прошлом году на Иванов день, всех четырех осудил за воровство. Сходство их ограничивалось одинаковым сроком заключения. Их преступления были столь же разнообразны, как и их физиономии; я говорю: были (у бывших людей даже преступленья — в прошлом). Один из мужчин ограбил бога того иностранца, другой обобрал целую кучу маленьких людей, одну женщину на отвратительный

поступок толкнула любовь, другую ненависть.

Запертые в клетках, разделенные толстыми стенами, они ничего не знали друг о друге. Хороши соседи. Этак и покойники на кладбище тоже соседи.

Зато один человек видел всех четырех: надзиратель; тощий плетавый чиновник, седой, с высохшим лицом,

Он не обращал ни малейшего внимания на четырех пасынков судьбы. Мало того, что он не говорил с ними, он даже не задумывался о них, когда они выползали из клеток и кружили предписанное время по тюремному двору, как стрелки по циферблату.

Однажды он открыл камеру и выпустил серую фигурку. Фигурка поплелась по

кругу, спотыкаясь и колеблясь, легонькая, как клочок бумаги, подхваченный ветром. По шею тюремщика вдруг пробежал холодок, в глазах у него зарыбило. Все поплыло и закачалось.

Пальцы его разжались, — связка ключей упала, старый моряк прислонился к стене, но разве можно найти точку опоры, когда надвигается невероятная, годами подготовленная буря, буря, именуемая развязкой жизни. Ноги его подкашивались, он стоял, но чувствовал, что падает ему казало, что он громко кричит, но он лишь слабо стоял.

Арестант шагнул, в свою очередь даже не взглянув на тюремщика, автоматически используя срок прогулки, вернулся

Процесс фашистских вождей в Мюнхене

Фот. Дж. Грауденц.

Более месяца продолжался в Мюнхене процесс Гитлера и Людендорфа. Несмотря на различные улик, говоривших о том, что заговорщики затевали поход на Берлин и хотели свергнуть республиканское правительство, «республиканская» же юстиция не рискнула вынести справедливое приговора, поскольку преступление имело место и процесс слушался в фашистской Баварии. Знаменитый генерал Людендорф, палач Пруссии, один из виновников разгрома и унижения Франции, оказался оправданным, остальные подсудимые отсидят еще только полгода, после чего выкажут свободу для новых заговоров и террористических актов.

На этих снимках: налево — в Мюнхене в день приговора. Волнение на улицах. Жандармерия сдерживает толпу. Направо — Людендорф (слева), главный обвиняемый Гитлер и их защита в день приговора.

и сверху, ввалился в небытие. Теперь на скамьях заборных валялась только одрябшая человеческая фигура, отчаянно выжидающая руки.

Наконец, подоспели люди. Поняли, что случилось что-то необыкновенное,

подобрали ключи, сделали поверку по камерам. Когда подошли к надзирателю, он встряхнулся, очнулся от мрачного кошмара, растерянно бормотал, еле ворочая языком. Его взяли под руки и повели в больницу.

Через несколько дней последовало докторское заключение: общая слабость, упадок жизненных функций, повторенье при-

падка вполне возможно, но первый припадок скромного служаки сошел вполне благополучно и сейчас он здоров. Он опять принялся за старое ремесло и никто не заметил в нем ни малейшей перемены.

Никто не мог заглянуть в его душу. Он все еще находился под впечатлением огромного потрясения. Земля под ним качалась; выброшенный на берег он помнил кораблекрушение. Он даже сам удивлялся, как это он поборол гибель и остался жив.

Скорбь по „твердой власти“

Фот. Дж. Грауденц.

На центральной площади Берлина, против здания рейхстага возвышается величавая фигура германской империи Бисмарку. Тоскующие по прошлому великие старые и участники, вдохновлявшихся политикой Бисмарка, едва ли сдвигаясь с места часто собираются у памятника, чтобы лишний раз поклониться прохладно даже новую республику Эберта и Вильгельма Штайна. Первое апреля, в день рождения «великого канцлера» благомыслившие немцы уже не ставят никаких предостережений своей сентиментальности. Им кажется, что Бисмарк вновь вылезет из могилы и поможет сильной германской власти в возвращении к прежнему покровительству памяти великого канцлера.

Нищета в Германии

Фот. для «Огонька».

Одно из довольно частых зрелищ на улицах современного Берлина: сбор вещей для детей голодающих семей. Солдат барабана собирает вещи.

И какие-то бредовые картины продолжали застилать ему глаза.

Он вспоминал себя совсем маленьким, еще до того, как он сделался юнгой, давно, давно. Да, в остром ясновидении короткого головокружения, в ералаше бедного, помутившегося ума, он прозрел на огромное расстояние, вспомнил лица, которые когда-то над ним наклонялись...

На пороге старинной комнаты каждый вечер тень протягивала к нему свои руки; и еще какая-то кухня и мелькающее в ней женское платье, которое его успокаивало, к которому он невольно льнул... Отец... Мать... Один за другим они всплыли в его сознании. Больше того, в каком-то внезапном озарении он увидел женскую фигуру, ростом почти с него самого, совсем не мать, скорей сестру. Чудесное, непонятное создание, которое так хотелось считать сестрой.

Конечно, он начинал забывать подробности, вырванные из мрака этой вспышкой безумия, но удивление, но недоумение—осталось. Воспоминание о себе—прежнем—наполняло его смущением и беспокойством.

Но вот что странно: когда подчиненные ему арестанты вновь закружились гуськом на дворе, он в первый раз в жизни стал к ним присматриваться. Зайчики весеннего

солнца запрыгали по стене. Солнце ли тут пришло на помощь или другое чудо—но он увидел арестантов. Он не мог отогнать мысли, сначала очень робкой, что эти вот были мужчинами, а вон те—женщинами, и понемножку он додумался до целого открытия, что они, помимо всего прочего, остались женщинами и мужчинами.

Внимание его занимали вещи, которых он раньше не замечал, позабытые мелочи. Таинственное, органическое потрясение разбудило этого каменного человека, вдохнуло в него жизнь и живые твари перед ним облекались в плоть и кровь. Понемножку он понял, что у каждой свое лицо, и до чего они одиноки и заброшены.

Он пожелал узнать, как их зовут. В конторе ему написали их имена на клочке бумаги. Толстяка звали Месмер, тощего—Базир, одну женщину звали Попелин, а другую—девушку—Кордибуа. Получив эти небогатые сведения, он спросил у чиновника, что они, собственно, сделали; узнал и затвердил. Впоследствии, встречаясь с каждым отдельно, он удивлялся их преступлению; по мере того, как он к ним присматривался, он удивлялся все меньше: чего только не случается на великих подмостках жизни.

Ведь он сам был маленьким и ползал

на карачках, а родители его были люди темные, давным давно накаранные судьбой...
Самый упрямый румын
«Continental-Photo»

Когда высокая женщина кончала последний круг своей прогулки, он загородил ей дорогу. Она шархнула, выпрямилась.

Она была непомерно велика для крошечного ипподрома и на ходу всем корпусом подавалась к центру площадки. Он открыл рот, чтобы заговорить с нею. Испугалась она, что ли, что он ее укусит? Она задрожала и поглядела на него исподлобья, с ужасом подергивая головой. Когда она убедилась, что он не сделает ей худого, она сказала, как бесцветный ст

Председатель румынской делегации Ланга Раскал отказавшийся, как известно, даже обсуждать вынужденный делегацией СССР вопрос о плебисците в соответствии и беззаконно занимаемой румынскими войсками Бессарабии

Бессарабия под пятой Румынии

От корреспондента «Огонька».

Ежедневно наши доставляют в Тирасполь и другие пограничные пункты беженцев и того берега.

Это бегут задыхающиеся под румынским

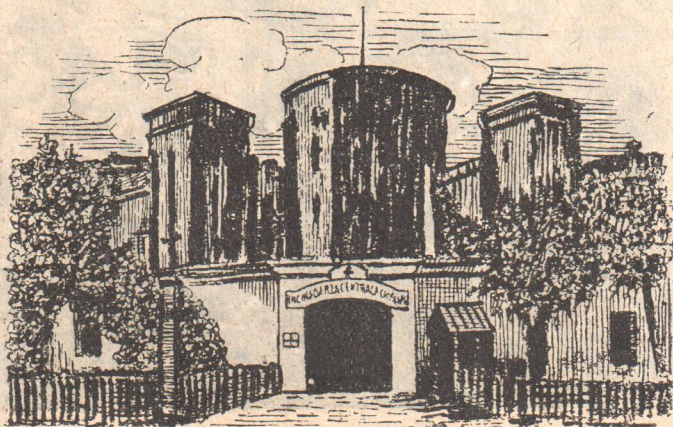
сапогом. Их приводят на пограничные пункты, снимают тщательные допросы и внимательно знакомятся с ними, чтобы не пропустить на Советскую землю—

ния причин и устраивают голодовки в знак протеста.

Но не только с революционерами общественными силами борется румын

Город Болград (крупный центр Бессарабии). Общий вид.

Кишиневская тюрьма.

врага или предателя!

Когда то, года два тому назад—шел другой поток через Днестр, поток буржуазии, оставившей Советскую Россию, тайком, так сказать, «кравшей границу». Теперь этот поток исчез. Теперь даже буржуазия бежит из Бессарабии вглубь Румынии. А кое-какая и не бежит: ждет!

Но не бегут румынские коммунисты и просто революционеры, потому что прочно сидят в тюрьмах, потому что расстреливаются десятками без объясне-

ний «бояр». Целые крестьянские деревни уничтожаются огнем и мечем, если с проявляют признаки неповиновения и тяготения к Советской России.

По всей пограничной полосе—на Румынской стороне—крестьяне устраивают митинги с требованием возвращения Бессарабии. На берегу раскладываются стры. Идут процессии с красными знаменами. Звучат оркестры. И громко слышны через Днестр Интернационалы!

А там, на бессарабском берегу, с жадностью внимают собравшиеся крестьяне бодрым песням, Интернационалу, видажные костры и демонстрации с красными знаменами.

И между ними—Днестр, не такой широкий, каким хотелось бы его видеть румынским боярам и их бессарабским лакеям.

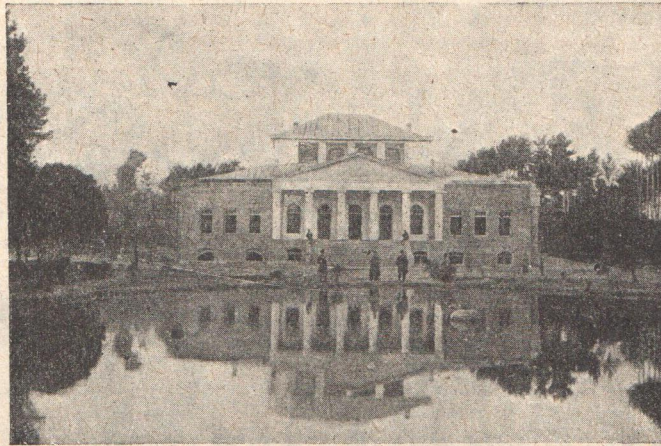
Д. Маллори.

Советский Союз и Персия

А. С. Бубнов

Председатель делегации СССР, замнаркоминдела и поверенный в делах в Лондоне Х. Г. Рыловский перед отъездом с Виндавского вокзала.

Новое здание полномочного представительства СССР в Тегеране, выстроенное взамен сгоревшего царского посольства.

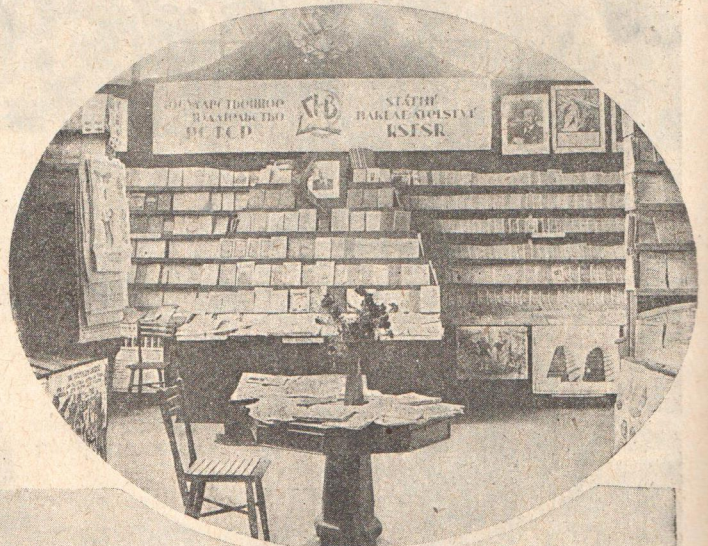
К новому назначению его членом Реввоенсовета и нач. ПУР'а.

и беззаконную, где все тайна и нет предела.

Перевод
О. Мандельштама.

— Я жалею...
— Я тоже,— про-
бормотал он с вели-
колепным выраже-
нием.
Он выругал се-
бя, хлопнул себя
кулаком по лбу и
сухой, как клешня,
рукой останавливал
биение сердца, ко-
торое начало так
чуждое расцветать... Ворочаясь
на своем одре, он
сам себя честил зло-
деем, который сбил-
ся с панталыку.
— Ничего боль-
ше не понимаю...
Самому себе больше
нельзя верить...

Русская книга на Пражской ярмарке образцов

В столице Чехословацкой республики—Праге—в марте текущего года (с 16 по 23 марта) состоялась восьмая ярмарка образцов, на которой среди иностранных экспонатов привлекал внимание публики киоск, в котором Госиздатом была организована выставка советской книги. Всего было выставлено около 4000 экземпляров книг—политического, научного и культурного содержания. Эти книги составляли одну шестнадцатую русских изданий за последние пять лет. Выставка русской книги привлекала живейшее внимание многочисленной публики, посетившей пражскую ярмарку образцов. На вышке рисунки: общий вид пражской ярмарки (внизу) и внутренн павильона Госиздата, выделенный в главном выставочном здании.

чек, лицо проясни-
лось,— она улыбну-
лась. Он тоже улыбу-
нулся. Плечи ее за-
прыгали, рот скри-
пел. Она раздула
щеки, вскрикнула.
Потом она взглянула
на него сквозь слезы.
Быстр и он почувство-
вал, что глаза его
жарили и понял, что
она обменялась взгля-
дами.
Другая была ма-
ленькая, как игруш-
ка. Он смотрел на
нее так пристально
что в последнюю ми-
нуту она к нему по-
вернулась. В сумраке
паркинга сюда он
находил ее бескон-
но лично в красные
подштанники шел и
красные юбки. Эти крас-
ные подштанники каза-
лись зарубившейся
рукой. Оба жестили.
Она правильно уга-
дала серьезность ми-
нута. Ни о чем не
спрашивая, ничего не
обещая, она просто
пошла дальше:
— Я на вас не сер-
дита.
— Я — извинюсь
у вас.

ДОЛОЙ ЧАДРУ!

Фот. для «Огонька»

Ежегодная конференция женщин узбеков старого города Ташкента 8-го марта 1924 г. Перед выходом на улицу все узбечки опускают на лица чадры и тогда собрание напоминает заседание фашистов Ку-Клус-Клан.

До сих пор из отдаленных восточных стран поступают выражения соболезнования по поводу великой кончины. Народы Востока отличо оценили роль Владимира Ильича в их раскрепощении, важность первых призывов Советской России и провозглашенного советской политикой права самоопределения народов. Скорбь всего Востока по поводу утраты 21 января выливается в яркие манифестации, которыми, всегда поддерживаемые словом Ильича, а теперь ободряемые его заветами, восточные массы выражают свое сочувствие народам СССР.

На снимке—траурное собрание памяти В. И. Ленина в Тавризе (Персия), где особенно сейчас жива память о всегда разоблачавшем империалистическую политику в Персии Владимире Ильиче.

ЛЮДИ РЕВОЛЮЦИИ

Оладар Бергер.

Бергер вчера приехал, вчера очнулся от румынской «боярщины», а сегодня он уже спокойно сидит в читальном зале и перелистывает газету.

Оладар Бергер привлекательно улыбаясь и слегка откинувшись назад рассказывает о румынском правительстве и арестантах в Сигурани. Он говорит вслух за себя и начинает говорить о политике, о политике перестройки. Он говорит о политике перестройки, о политике перестройки. Он говорит о политике перестройки, о политике перестройки.

Оладар Бергер.

его жена и я—уходим, садимся за стол и начинаем беседу.

Тов. Бергер крепко сжимает челюсти, опускает голову, тяжелые воспоминания овевают его. Он говорит на каком-то ломаном, мгновенном, непонятном наречии жене, жена—переводчику, тот—мне...

Бергер—видный член румынской коммунистической партии. Он находился в Венгрии, когда там существовала советская власть. К Румынии была присоединена Трансильвания. Советская власть пала, Бергер скрывался в Румынии, неустанно агитируя и ведя огромную работу.

Его арестовывали девять раз, и восемь раз он благополучно избегал кары. С ним—всюду, всегда—его жена. Общие невзгоды, общие муки, общее пребывание в казематах.

— Но мы были тверды, мы знали, за что мы боремся. Наша партия должна завоевать власть, наша партия должна стать главенствующей... Мы никогда не забудем ночи, когда арестовали 30 человек, в том числе и нас, привели в Сигурану, затем вывели во двор, одну часть поставили лицом к стене, других стали неистово избивать, запрещая

им кричать... Когда стоявшие у стены обернулись, им торжественно показали окровавленные тела товарищей.

Бергер увлекательно рассказывает об экономическом положении Румынии, о растущем влиянии коммунизма... Национальный и румынский банки существуют до того, чтобы выколотить наибольшую прибыль, а прибыль сыпется в карман акционеров—членов правительства. Всякий знает об этих комбинациях, но кто закрывает о них? Бить в набат нельзя, двери фигуранты так легко открываются. Бергер рассказывает мне о полиции, о румынской полиции, на которую тратятся чудовишные средства, но, чорт возьми, страна должна иметь надлежащую охрану! Сдаются процессы, раздуваются заговоры. Арестованных пытают, террор растет, люди навеки исчезают в тюрьмах.

Бергер и Берта Сиксай вырвались из рук конвоя, когда их переправляли в Венгрию. Необычайной смелостью, железной, каленой волей они добились своего: они в Советской России. Они у себя. Теперь—работать, работать...

Б. Бобочка.

Очерк И. Игнатъева Снимки Ж. Мартова.

«Чудная невозвратимая пора детства»...
— Невозвратимая—это безотносительно. Невозвратимая—независимо ни от чего, но—чудная?..

Чудная, если—мать с белыми булками; если—как фантастический ковчег—детская комната с любимым слоном или зайцем; если—дни, как стеклянные шары, налитые солнечным светом и ночи—как книга с арабскими сказками...

Но если—ветер вдоль улицы; если—враждо дышащие под'езды вместо теплых кроваток; если—пинки; если—голод; если—горькая самогонка и табак, а то и кокаин в темных углах заднего двора—и все это в восемь, в девять, в двенадцать лет?.. Невозвратимая, но чудная ли пора?..

Его, вот этого—зовут Мишкой.
По внешности—не более десяти. Сам

Смотрит во все глаза. Понять ничего не может.

И еще Петька, которого подобрали на улице, и еще Сенька, у которого одиннадцать братьев, и Ванька (только другой), который на Виндавском вокзале от матери отстал,—и еще сотни испуганных оборванных и сильно смущенных Петек, Санек, Ванек, Мишек, Дуняш, Марусь и Варь...

Детский приемник и детская психологическая лаборатория.

Исследование его души. Квалификация его способностей и сообразно квалификации—направление в нормальную школу, или школу для дефективных детей, или фабзавуч, или больницу...

Сюда они попадают из суда, из нищих семей, с улицы, из подворотен, из отделений милиции.

раз воровал? И зачем? И есть ли у Мишки приятели? И кто они? А одна тетя спросила даже: чего бы хотел он больше всего на свете, на что, не задумываясь, ответил Мишка:

— Денег.

И, помолчав, прибавил:

— И добрую маму!

Из Мишкиных ответов вырастает анкета. По анкете—вся Мишкина жизнь. Вес Мишка. Точно взяли Мишкину душу и перенесли на бумагу. Даже, что деньги любит—записали. Даже, что ко лжи склонность имеет—тоже записали.

Мишку увели к другим Мишкам. В шумные и светлые комнаты. А когда увели его, тети и дяди (те, что опрашивали) спорить стали между собой.

И так как не порешили вопроса о нем, то вынесли постановление:

Наводят чистоту.

Прием и регистрация беспризорных.

же—не знает. Фамилия?—Один раз назвался Цигальским. Другой раз—Панковым. Которая настоящая? Не знает.

И правда, что не знает. Откуда же знать? Мишка ничего не помнит, кроме ули.

Впрочем, где то была тетя Саня.

— Кто она такая? Где живет?

— Мишка не знает.

— А давно ушел от нее?

— Давно.

— А мать с отцом помнишь?

— Не.

— А лет сколько?

Один раз сказал—десять. В другой—двенадцать.

Мишка смотрит исподлобья и врет по привычке. Улица приучила врать.

Мишку привели сюда из милиции. В трамвае он в кондукторскую сумку залез.

Мишка уже умеет пить самогонку, курит грошевый крепкий табак, недурно сквернословит и тупо, бессмысленно, но упрямо врет.

Дуня.

Дуне лет одиннадцать. Рваная кацавейка и вязанный платочек. У Дуни черные глазки и смотрят они двумя зайчиками. У Дуни была мама и мама умерла. Умерла мама в четверг, а в воскресенье Дуню привели в этот странный дом, к этой доброй тете в очках.

Сначала Дуня боялась очков, а потом привыкла и теперь ей уже нравится смотреть, как плещется в вогнутых стеклышках солнечный луч.

Затем—Ванька, девяти лет. Отец у Ваньки—пьяница и безработный. Бьет Ваньку почем зря и говорит, что—непутевый он. Вот и попал Ванька сюда.

За общим столом.

Детский приемник—первый этап и важнейший этап в долгих и сложных жизненных следованиях десятилетнего наркомана Мишки или одиннадцатилетней бездомной Дуни.

Странные и добрые тети и дяди сейчас же после регистрации уводят Мишку в баню. Над Мишкой производят «санобработку». Грязные и слипшиеся волосы его коротко остригаются. Мишку моют, трут, чистят. Мишка недоумевает и фыркает от удовольствия: хоть и непривычно, но приятно. Его белье и платье исчезают куда то и взамен он получает чистое и целое. Затем—врачебный кабинет. Множество занимательных трубочек и баночек и заслоняющие все—очки доктора. Мишку выстукивают и спрашивают. Мишку вращают во все стороны. То заставляют его учащенно дышать, то велют задержать дыхание. И Мишке уже окончательно весело от этой игры. Он даже хочет попробовать играть с трубочками и баночками, но—следует сердитый окрик доктора—и Мишка испуганно отдергивает руку.

Затем—допрос. Ох, уж этот допрос! Сразу несколько дядей и тетей в большом кабинете. И все смотрят на Мишку.

Они все хотят выпытать у него. И сколько ему лет? И хочет ли он учиться? И что он любит? (А разве Мишка знает, что он любит?). И что он знает? И что он думает? И любит ли он курить? И много ли

— Мишку на испытание отправить в психологическую лабораторию.

В психологической лаборатории Мишкина душа—как на аптекарских весах. Каждый вздох Мишкин отмечается на большом белом листе бумаги. А ночью, когда спит Мишка, охваченный малопонятным, как самогон, крепким чувством, чьи то руки приподымают его одеяло и все на том же листе бумаги против графы «ованизм» чернильным карандашом твердая рука выводит новые слова, которых все равно, даже если бы и увидел не понял Мишка.

Мишка спит в светлой комнате. Каждый день сыт и мыт. Мишка играет во дворе с другими Мишками. Работает в столярной мастерской, копает огород или* обучается русскому языку, а невидимые для самого Мишки глаза наблюдают за ним и невидимая для него рука делает на большом листе бумаги все новые и новые отметки и когда через три недели Мишку выписывают из лаборатории и возвращают обратно в приемник в его анкете значится, что все пороки Мишкины не от природных его недостатков, а от внешних условий жизни и что от природы Мишка нормален и склонность имеет к слесарному труду.

И вот—определена Мишкина судьба. Мишку ждет фабзавуч, потом фабрика. Правда, у Мишки не будет «добрый мамы», но добрые тети и дяди не оставят своих забот о нем.

И Мишка уже начинает забывать тот момент, когда он хотел обокрасть кондуктора в трамвае. И Мишке уже не страшно жить, как было тогда, когда прятался он по ночам в холодных и дышащих враждо под'ездах...

Неизданная статья Л. Н. Толстого

От Редакции.

В письме своем от 27 ноября 1891 года к С. А. Толстой из деревни Бегичевки, Данковского уезда, Рязанской губ. Л. Н. Толстой сообщает жене своей о только что понесенной им и взволновавшей его до глубины души неожиданной тяжелой потере его друга и лучшего соотрудника по борьбе с голодом Ив. Ив. Раевского, в годовину борьбы со стихийным народным бедствием.

«Мне ужасно жалко его», пишет он в этом письме об Ив. Ив. Раевском. «Я очень, очень его полюбил. И не могу простить себе, что я так не понимал его прежде. Но за то как нам радостно, молодое, восторженно было часто последнее время вместе быть и работать! Я начал, было, писать о нем писать, и хотел напечатать, а потом раздумал. Впрочем, не знаю»...

Л. Т. *).

Статья эта в настоящее время найдена как в черновых набросках самого Л. Н. Толстого, так и очень четко переписанною покойной дочерью М. Л. Толстой.

Статья не только представляет большой интерес, как образчик претворения особенностей индивидуального характера в черты бессмертного типа (Ив. Ив. Раевский), но, кроме того, интересна и очень важна и для характеристики самого ее гениального автора.

Памяти Ив. Ив. Раевского.

Неизданная статья Л. Н. Толстого.

Вчера, 26 ноября 1891 г., в 3 часа дня, умер в своем доме в деревне Бегичевке, Данковского уезда, Рязанской губернии, Иван Иванович Раевский.

Он умер на работе среди голодающих, — можно сказать, от сверхсильного труда, который он брал на себя. Он умер, отдав жизнь свою народу, который он горячо любил и которому служил всю свою жизнь.

Но это утверждение могло бы показаться преувеличением, фразой. А тот, кто знает и пишу, больше всего в мире ненавидел всякое преувеличение и всякую фразу. Он всю жизнь свою делал, а не говорил. Он был христианином, бесспорным христианином. Он никогда не говорил про христианство, про добродетель, про самопожертвование. У него была в высшей степени чуждая этой встречающейся в лучших людях работа добра. Он как бы боялся испортить свое дело сознанием его.

Да ему и некогда было замечать, потому что, не переставая, делал христианские дела. Не оканчивалось еще одно, как начиналось другое дело не для себя, а для других: для семьи, для друзей, для народа, который, — повторяю еще раз, потому что это была его характерная черта, — он восторженно любил всю свою жизнь.

Последнее время, которое я провел с ним, эта любовь выражалась страстной, лирической деятельностью. Все силы своей души и могучего организма и все свое время он отдавал на работу по преодолению голодающего народа, и умер не только на этой работе, но прямо от этой сверхсильной работы, отдав свою жизнь за друзей своих. А такими друзьями его были все русские крестьяне. И это не красивая фраза. Каждый говорит обыкновенно о мерт-

вых, а несомненный факт. С утра до вечера он работал с одной этой целью: по прокормлению народа.

Работа его может показаться не трудной и не убийственной: он писал письма, закупал хлеб, сносился с земскими управами, попечителями, нанимал, рассчитывал возчиков хлеба, делал опыты печенья хлеба с различными суррогатами, помогал нам в устройстве столовых, приглашал людей на помощь, устраивал для них удобства, делал учения, ездил в земские собрания попечи-

телей по Данковскому и Елифанскому уездам, принимал крестьян, как попечитель по двум попечительствам, и ездил по другим попечительствам, подбодряя тех, у которых, он знал, дело не идет, и сам лично помогал, как частный человек, тем крестьянам, которые обращались к нему.

Дела эти кажутся не трудными и не убийственными для тех, кому не дорог, не важен успех дела, — но для него это всегда было вопросом жизни и смерти. Он видел опасность положения, и, не

Сердце Вольтера

Фот. А. Гарлинг.

На снимке — французский министр просвещения и изящных искусств вкладывает футляр с сердцем в подножие статуи Вольтера работы Гудона.

Сердце спокойно пребывало полтора года в цоколе знаменитой гудоновской статуи философа в парижской национальной библиотеке. Только в 1870 году, во время осады Парижа хранили библиотеки, опасаясь жадности берлинских библиотекарей и ученых, спрятали футляр с сердцем фернейского мудреца куда-то еще дальше и спасли эти «мощи» от водворения в каком-нибудь берлинском музее. После войны сердце вернулось на прежнее место. Теперь парижские охотники до зрелищ решили убедиться в сохранности... старинного футляра. При торжественном церемониале вынул министр народного просвещения Леон Барар не открывавшийся сафьяновый футляр с надписью «Сердце Вольтера». После чего — никому неизвестная и никем не осматриванная реликвия была водворена на прежнее место вглубь статуи, переданной по этому случаю в более светлую залу. Все газеты, разумеется, засерьезовали откликнулись на это представление.

«Смысл церемонии? — Думает бы тот, говорит почтенный г-н Барар, что мы еще раз перечтем «Кандиду».

переставая, работал так, как работают люди из последних сил для спасения жизни других, не жалея своей жизни. И потому дело его спорилось и росло,—его энергия заражала других.

— Нет! живые в руки не дадимся,—говорил он, возвращаясь с работы или вставая от письменного стола, у которого проводил по 8-ми, по 6-ти часов сряду.

— Не-ет, живые в руки не дадимся!—говорил он, потирая руки, когда ему удавалось устроить какое-нибудь хорошее дело: закупки дешево хлеба, дров, устройства хлебопеченья с картофелем, с свекольными отбросами, или закупки льна для раздачи работ бабам.

— Знаю, знаю,—говорил он,—что хороша эта самоуверенность, но не могу. Как будто чувствую это врага—голод, который хочет задавить нас, и хочется подбодриться. Живые в руки не дадимся!

Так он работал во всех делах; не умел работать иначе, как со страстью. От этого работа кипела у него, и от этого-то вокруг него люди работали также энергично, заражаясь от него,—и от этого он заработался до смерти.

Физически он не знал никаких препятствий, и никаких у него не было требований: все ему было хорошо, ничего для него не было нужно и все было возможно. Ему было 56 лет,—стало быть, он был старый уже человек, но

привычек, требований у него никаких не было: спать где и когда—ему было все равно,—на полу, на диване; есть ему было все хорошо—хлеб с отрубями, каша, щи, что попало,—все ему было хорошо, только бы насытиться, чтобы голод не мешал заниматься делом: ехать он мог по всякой дороге, во всякую погоду, в санях ли, в телеге ли.

Так—он в последний раз, оторвавшись от дел, которыми был завален дома, поехал за сорок верст в Данков на земское собрание с тем, чтобы вернуться в тот же день и на другой день ехать в Тулу по закупке хлеба, но заболел, приехал больной на другой день, и свалился, проболел инфлуенцей, как определил доктор, и через шесть дней умер.

Вчера, когда он уже умирал, я, проходя по деревне, сказал мужику, что Иван Иванович умирает. Мужик ахнул: «Помилуй бог»,—сказал он: «что без него делать, будем? Воскреситель наш был».

Для мужика он был «воскреситель», а для нас он был тем человеком, одно сознание о существовании которого придает бодрость в жизни и уверенность в том, что мир стоит добром, а не злом: не теми людьми, которые махают на все рукой и живут как попало, а такими людьми, каков был Иван Иванович, который всю жизнь боролся со злом, которому борьба эта придавала новые

силы и который беспрестанно говорил: «живые в руки не дадимся!»

Это был один из самых лучших людей, которых мне приходилось встречать в моей жизни.

Отношения мои с ним были очень странны (для меня, по крайней мере). Мне было под 30-ть лет,—ему было с чем-то 20-ть, когда мы встретились. Я никогда не был склонен к быстрым сближениям, но этот юноша тогда не отразимо привлек меня к себе, и я искал сближения с ним и сошелся с ним на «ты». В нем было очень много привлекающего: красота, пышущее здоровье, свежесть, молодечество, необыкновенная физическая сила, прекрасное, многостороннее образование. Элегантно говоривший на трех европейских языках, он блестяще окончил курс кандидатом математического факультета. Но больше всего влекла меня к нему необыкновенная простота вкусов, отвращение от светскости, любовь к народу и—главное—нравственная совершенная чистота, теперь редкая между молодыми людьми, а тогда составлявшая еще более редкое исключение. Я думаю, что он никогда в жизни не был пьян, не участвовал в кутеже, не говоря уже о других увлечениях, свойственных молодым людям.

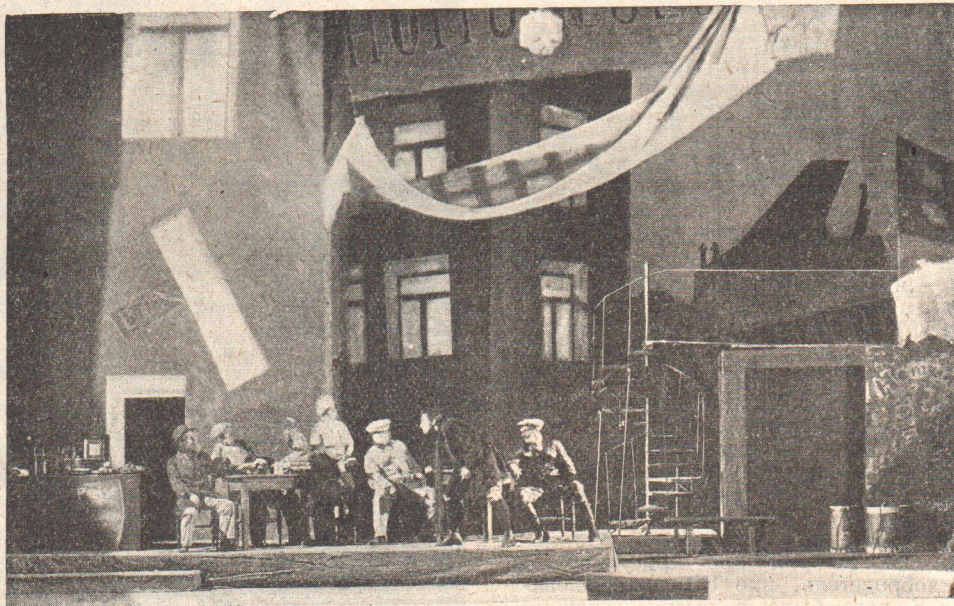
Мы тогда сблизились с ним как будто только на интересах охоты (мы ездили

„Эуген несчастный“ — в ленинградском ак. театре

Фот. Бр. Булла.

Большой интерес, и не в одном только Ленинграде вызвала постановка парадоксальной пьесы Толлера «Эуген несчастный». Перед рискованной моралью этого произведения нидершефельдского узника остановились все ортодоксальные и теперь уже не падкие на новшества режиссеры Москвы, а за ними и крупные артисты других городов.

В общем, если называть вещи своими именами, в пьесе нет ничего страшного. Просто описываются страдания молодого немца, лишившегося во время «великой» войны,

после ранения осколком гранаты, — известных мужских признаков. И дается картина его бессилия и постепенного умирания.

Старый и достаточно в общем чопорный бывший Михайловский театр не погнушался, при современном репертуарном кризисе, блестящей пьесой Толлера, достойно и остроумно преподнес ее публике. И уловил в ней современную трагедию, а не скабрзный анекдот...

вместе на медвежью охоту) и гимнастики, но в глубине этого обближения, думаю, лежало еще и что-то другое. Странное дело: сближение это продолжалось недолго. Мы не разошлись, встречались с удовольствием, оба одно время занимались школой и виделись, хоть и очень редко; а потом как бы совсем потеряли друг друга не из вида, а из сердца. Каюсь: он женился, занялся хозяйством,—и мне думалось, что он очерствел, сделался сухим дельцом, семьянином, что мое увлечение им не имело основания. Когда мы встречались, и он говорил мне о школах, о народе, о своей общественной деятельности,—мне казалось, что он говорит это по старой памяти, но что уже это не интересует его. Мы разошлись и жили так более 30-ти лет.

И вот надо же было случиться, чтобы теперь, в эту тяжелую годину, мы опять сошлись на общем деле, и чтобы я увидал, что он не только не опустился, не стал эгоистом, но, напротив, сдержал в возрасте близком к старости, то, что он только обещал в молодости.

Тогда было с его стороны лишь смутное, неопределенное стремление к народу, теперь была уже деятельная любовь к народу и служение ему с самоотвержением и самопожертвованием.

Он не только не очерствел за эти тридцать лет, но он, откинув все те соблазны молодости, которые мешали его служению народу, теперь весь отдался ему.

Он представлял удивительное соединение страстной, восторженной любви к своей семье и вместе с тем к народу. Одна любовь не только не мешала другой, но содействовала ей. Любовь его к детям, к сыновьям выражалась тем, что он научил их любить народ, служить ему, натаскивал их на это.

Никогда не забуду, с какой любовью рассказывал он мне, как посланный им для переписи бедствующих селений сын его пропадал за этой работой до ночи.

Надо было слышать его рассказ об этом, надо было видеть его лицо во время этого рассказа, чтобы, как следует, понять и оценить этого человека.

Лев Толстой.

„Зуген несчастный“

Фот. М. Напельбаума.

В. Л. Юренина—исполнительница главной женской роли.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
„ОГОНЕК“

Цена № 15 коп.

В месяц—50 коп.

Вагоновожатый выиграл 25.000 рублей

Вагоновожатый Бухаринского трамвайного парка в Москве Кондаков у себя дома (справа и другие дети). После выигрыша т. Кондаков не оставляет своей службы.

Справа—т. Кондаков на своем посту—ведет вагон.

Самое северное место Аляски—граница канадских и северо-американских владений... Снимок сделан во время размежевания, когда на этом забытом пункте земного шара были водружены британский флаг и многозвездное знамя «Дэди Рэма» (американское).

Знаменитый поэт Габриеле Д'Аннунцио, совершивший в 1919 году памятный набег на Фиуме, что в результате привело к недавнему торжественному «воссоединению» Фиуме с Италией. Итальянский король не замедлил пожаловать поэта-кондотьера титулом «графа Фиумского».

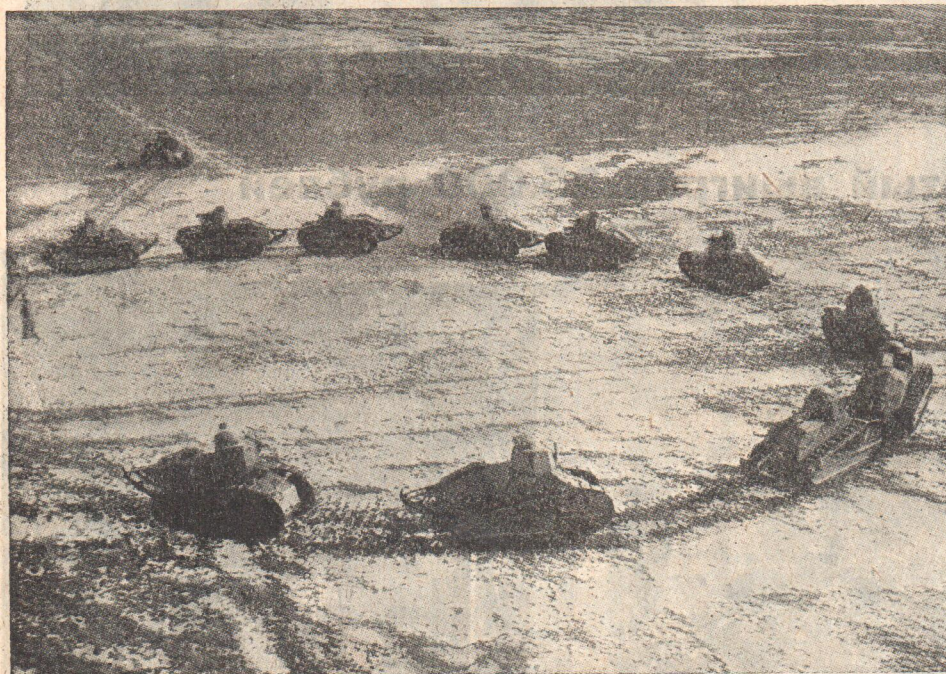
Верный страж

В ознаменование интернационального праздника труда на могиле Шевченко, в трех верстах Канева (Киевской губ.), собрались представители незаможных селян всех сел Каневского района в присутствии нескольких тысяч рабочих, селян и представителей разных организаций округа названного в честь поэта Шевченковским, сняли могилы крест.

Фот Ташкера и Тагрина.

Современные военные чудовища

Фот. «Интерн.-Ньюс».

Америка непрерывно увеличивает свои морские и сухопутные силы. Особое внимание военных специалистов уделено оборудованию танков, сыгравших в свое время таную роковую для Германии роль. Нам удалось получить снимок своеобразного парада, от которого каждую ночь дрожит земля отдаленных и скрываемых от общественного внимания стрельбищных полей.

Взамен креста, при огромном же стечении селян и рабочих, на могиле поэта поставлен был чугунный памятник, отлитый безвозмездно рабочим городищенского сахарного завода.

На нашем снимке: памятник Т. Г. Шевченко. подножие его—70-летний старик—сторож Ива Ядловский, который 42 года сторожит могилу Тараса Григорьевича. Старик Ядловский со слезами на глазах рассказывает: «уже пятый десяток пошел, как я караулю могилу нашего великого Тараса. Думал, что придется умереть, а памятника не увижу.» Его не поставили ни ге-ман, ни Петлюра. Поставили его крестьяне и рабочие при своей рабоче-крестьянской власти.

МОСКВА,
Благовещенский, 3.
Тел. 86-87.

ФОТО-БЮРО
„ОГОНЕК“.
ФОТО-РЕПОРТАЖ

Телеграммы:
МОСКВА—ОГОНЕК.
Фото-Бюро.

Срочно выполняет съемки по заданиям госорганов.

ОБСЛУЖИВАЕТ 100 ГАЗЕТ СССР.

БОГАТЫЙ АРХИВ ПОРТРЕТОВ СОВЕТСКИХ И ИНОСТРАННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ.

Морские львы на службе у человека

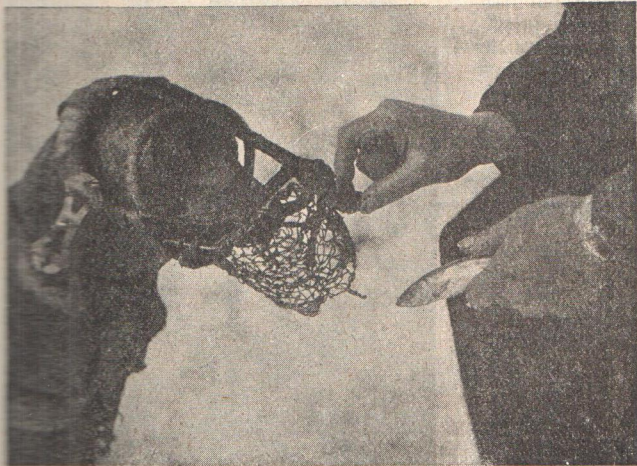
Очерк Владимира Дурова. Снимки В. Улитина.

На основании моего многолетнего опыта изучения психологии ластоногих, а также на основании успешной работы по их дрессировке, я пришел к заключению, что морские львы принадлежат к высшему разряду самых понятливых жи-

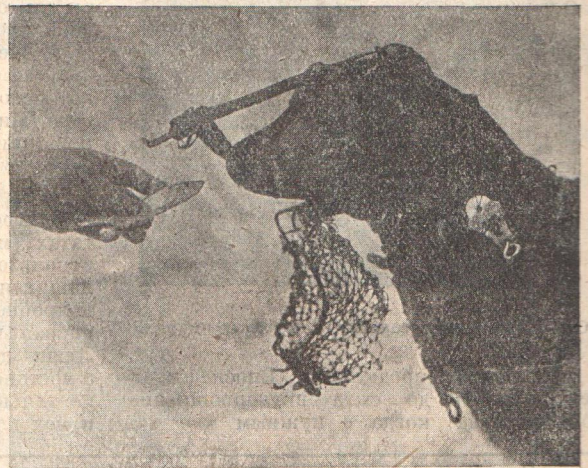
воду. Животное через пять, шесть дней привыкает к гурте и аппарату. Тогда бросается в бассейн рыба. Морской лев хватается ее зубами через сетку. Предохранительная сетка не дает ему возможности проглотить рыбу. Никакие старания ему не помогают. Видя постоянно вокруг себя плавающую рыбу и не имея возможности пользоваться ею, животное постепенно привыкает к ней, как моя дрессированная кошка к крысам и впоследствии не обра-

таскивать куклу к моим ногам. Благодаря этому, предполагаемый утопающий мог не рисковать своей головой. После куклы опыты производились с моим карликом Ванькой-встанькой, а затем и со взрослым человеком, который, изображая самоубийцу, боролся с ластоногим в воде, при чем лев всегда оказывался победителем.

Морские львы могут сыграть важную роль в морской войне. Неся службу связи, они могут переносить на своей спине герметически закрытые цилиндры с почтовыми посылками, письменными донесениями и т. д. Ни для кого не заметные, никем неуловимые, не боясь ни рифов,

Сетка, препятствующая морскому льву питаться рыбой самостоятельно и ставящая его в зависимость от человека.

Предохранительная сетка открыта. Кормление морского льва.

вотных, с чуткой восприимчивой натурой и умением сосредоточиваться, что, главным образом, развивает мозг.

Для осуществления моей идеи—применения морских львов на пользу человечества, я должен был приучить их сначала к одной гурте, состоящей из нагрудника и шнуров, и к особому протезу с сеткой. Сетка сыграла самую важную роль в моем

предварительно выучившись аппортировать, т. е. подавать брошенные в воду различные предметы и получать каждый раз вкусоощущение, ласто-

ное, также как и какую-нибудь вещь (палку, портсигар и т. д.), приносит ко мне брошенную рыбу, держа ее через сетку в зубах. Я одной рукой принимаю рыбу, а другой открываю протез и даю непосредственно в пасть им же принесенную рыбу и закрываю тотчас аппарат. Таким образом, устанавливается между человеком и ж. водным тесная связь. Главная задача решена. Животное не в состоянии кормиться без помощи человека, следовательно простор и свобода не имеют для сохранения его жизни значения. Чтобы получить пищу оно должно из морской пучины приплыть к человеку и только через аппарат получить пищу, а с ней и жизнь. Вот почему легко выучить ластоногих ловить рыбу и приносить ее на берег. Морской лев знает, что когда по команде натаскает на берег много рыбы, то человек откроет сетку и накормит его досыта. На берегу моря десять штук таких морских львов могут в день вылавливать громадное количество различной рыбы, которой можно не только накормить самих львов, но и заполнить рынок небольшого приморского городка. Это станет понятным, если принять во внимание их ловкость, быстроту и неутомимость. Таким образом, получается новая отрасль рыбной ловли. Дальше не трудно приучить тюленей к добычанию жемчуга. И здесь они должны далеко превзойти все известные до сих пор способы добычания раковин с жемчужинами. Ластоногие также могут доставать с затонувшего судна ценные вещи.

ни скал, ни мин, они будут быстрее и успешнее любого судна доставлять важные пакеты не только в спокойной обстановке, но и во время боя.

Таким образом, животное может служить при разных обстоятельствах, как подводная почта.

Что касается применения ластоногих к тралению подводных мин, стоящих на мертвых якорях, то мною первоначально

Спасение утопающих.

спасения. Благодаря аппарату, животное движется свободно в море на волю, подчиняясь волею человеку. Благодаря сетке оно не может без помощи человека ловить рыбу. (Морские львы питаются исключительно одной рыбой, которую целиком глотают). Жевательных зубов у них нет, а если попадается крупная рыба, то они своими крепкими острыми зубами жмут ей голову, рвут на части ее туловище и, не жуя, глотают частями).

При первоначальной дрессировке, надев на животное аппарат, с механически-открывающейся сеткой, я пускаю его в

Морские львы еще должны сыграть огромную роль, как спасатели утопающих. На каждой спасательной станции наверняка будут на страже день и ночь по нескольку хищников, готовых каждую минуту броситься в море, или реку—делать свое благородное дело.

Спасать утопающих я учил морских львов следующим образом: устроив куклу с бычьим надутым пузырем вместо головы, я бросал ее в бассейн и по команде «аппорт» лев быстро плыл к кукле и хватался зубами за плавающий на поверхности пузырь. Воздух из порванного зубами пузыря выходил, кукла тонула, а лев возвращался ко мне ни с чем и понятно не получал вкусоощущения. Последующие такие же опыты заставили льва хватать не за голову, а за одежду и вы-

Доставка ценностей с затонувших судов.

был применен следующий опыт: пропущенный через блоки металлический трос натягивался полупудовой гирей. Доска с делениями указывала высоту поднятия гири при нажимании на трос. Приучить

Льва заставить на трос...
 меня было легче, чем заставить его
 бадавировать на носу мячами, лампами

привести...
 Это первый этап сложному с первого
 взгляда переходу на траление мины. Сверх
 выше описанного аппарата к гурте при-
 креплялся стальной резервуар со сжатым
 воздухом. Кроме того отдельно вокруг
 шеи надевался особо устроенный мешок
 с уложенными в нем 36 рыбками. В то же
 время к темени на пробковой подкладке
 прикреплялись кусачки, соединенные труб-
 кой с резервуаром на спине и мешком
 с рыбой, один выход из которого находился
 в сетке под нижней челюстью, а другой
 вел к кнопке на носу. Процесс работы
 заключался в следующем: нагруженный
 всем вышеописанным, лев, движимый
 чувством голода, немедленно по опуска-
 нию в воду начинал искать стоящий
 вертикально трос. Найдя его, он спешил
 нажать на него носовой кнопкой с извест-
 ной уже силой и сноровкой, дабы полу-
 чить вкусопоощрение, которое в виде
 рыбки одновременно с нажатием кнопки
 попадало механически из мешка в сетку.
 В то же время кнопка открывала резер-
 вуар со сжатым воздухом, силой давления
 которого кусачки сжимались и резали
 трос. Мина всплывала и делалась види-
 мой экипажу тралерного судна, а ласто-
 ногое отправлялось на поиски других
 тросов.

Многое еще можно рассказать о резуль-
 татах, мною добытых, и о перспективах
 использования ластоногих на благо тру-
 дящихся, но это я постараюсь сделать
 подробнее во второй части своей книги,
 первая часть которой выходит на днях.
 Люди должны поглубже познакомиться
 с ластоногими, и тогда они получат от них
 не только кожу и жир для смазки сапог
 и мех для дамских манто, как делали это

до сих пор по своему невежеству. Ласт-
 ногие в течение своей жизни будут при-
 носить человеку пользу, в миллионы раз

Взрывание кораблей и подводных лодок.

превосходящую ту, которую до сих пор
 приносили только после своей смерти.

Владимир Дуров.

Срезывание мин, стоящих на мертвых якорях.

и различными предметами. Впоследствии
 лев получал до сыта вкусопоощрение
 только тогда, когда с нужным мне на-

Издатель: „Мосполиграф“.

Редактор: Мих. Кольцов.

Штаны или крестьянский заем?

Басня

В селе Акулькино назначен сход:
 Со всех дворов валом валит народ.
 Приехал коммунист из центра, баюют,
 А коммунист в селе—ему почет и честь:
 Туда зайди попить, туда—поесть,—
 Ну, словом, в нем души не чают!
 Ведь в том селе—на славу муж-

жики,
 Там толстопузые не в чести
 кулаки.
 (Да их к тому-ж всего на пе-
 речет:
 Грибухин Пров, да Цапалов
 Федот).

Вот собрались, кричат, рука-
 ми машут,
 А Пров тихохонько Федоту на
 ушко:
 (Чтоб, значит, не слышал его
 никто!)

«Ужель коммунию введут в де-
 ревно нашу?!
 «Уж больно этот стрикулист
 «Словоохотлив и речист»...
 «Э, полно, брат,»—Федот ему
 в ответ:
 «Ужель у мужиков креста на
 шее нет,
 «Чтоб с этой проклятой ком-
 мунией якшаться.
 «Не лучше-ль по добру отсю-
 да нам убраться?»

«Да прямо к батюшке... Мол, так-и-так, отец,
 «Спасай, святой, как хошь христову веру—
 «Приходит мужикам погибель и конец»...
 Пошли... должно наговорившись в меру.

А прочьи шапки мнут и рты пооткрывали,
 Как будто дельных слов доселе не слышали,
 Так складно говорит... Послушать—все
 поймешь...
 (Ну очень уж для них оратор тот пригож!).

И все к нему поближе и тесней:
 «А что, и впрямь, нет власти нам милей»—
 Кричит Пахом, на бочку взгромоздясь:
 «Оно, что говорить, не даром наша власть,
 «Во всем за нас... Что ежли не по силе—
 «Глядишь и отменили.

Навстречу, под-ноги, Федот с поповско
 хаты:

«Эк, леший, бегать-то не лень
 «Уж больно все хотите быть богаты.
 «Отдай последнее—коммуния сожрет—
 «Вот тоже выдумки—крестьянский-ишь
 заем»...

Пахома бросило от злости и
 жар и в пот—
 «Ну, ты, подлюга, щыц... уви-
 дим—поживем».

Все деньги оттащил Пахом и
 сберкассе
 Вот то-то хорошо, вот то-то
 благодать—

Придет пора стране своей дол
 отдать
 И не пройдет, глядишь, и по
 лучасу,
 Как долга нет, да выручен про
 цент...
 Федота-ж дело—швах—чистой
 «ший дивиденд»...
 Глядишь, за долг корову и за
 брали...

Хихикает Пахом:
 «Заем, де, проморгали»...
 А тут к нему с подходцем ле
 зет Пров:

«Пахомушка, дружок»...
 «Дружок?! Давно ли эдак?...
 И так рубнул Пахом им на
 последок:

«Без займа быть—остаться без штанов»...

А смысл басни всем знаком
 Кто хочет сохранить штаны и сельхозяй-
 ство,—
 Отбросив в сторону попов и разгильдяй-
 ство,
 Тот должен приобрести-крестьянский лишь
 заем.
 Vale.

Крестьянский заем

ПРИБОРА
 ПОЛЗУ ГОСУДАРСТВУ
 И
 ВЫГОДА КРЕСТЬЯНСТВУ.
 БЕЕТ
 СПЕКУЛЯНТОВ, РОСТОЕШИНОВ И
 ЗАГРАНИЧНЫХ БАНКИРОВ.
 РУКА ИХ НАДЕЖДА
 НА ФИНАНСОВЫЙ БЕД
 СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

«К примеру взять разверстка иль налог
 «Деревне кто в напасти сей помог?
 «Иль вот теперь крестьянский взять заем
 «С ним очень важно отдохнем»...
 И снова гул по всей мужицкой массе
 То-се, то-то, все треба разжевать
 И бедняки всем сходом побывать
 Решили в тот же день в своей сберкассе.

Спешит Пахом домой.—Фуражка на-
 бекрень—